

СТИВЕН ГРЭМ ДЖОНС

ПРОКЛЯТИЕ
ОЗЕРНОЙ
ВЕДЬМЫ

FAN|ZON

МОСКВА

Озерная Ведьма →
←
Т Р И Л О Г И Я

Мое сердце – бензопила

Не бойся Жнеца

Проклятие Озерной Ведьмы

STEPHEN GRAHAM JONES

**THE ANGEL
OF
THE INDIAN
LAKE**

СТИВЕН ГРЭМ ДЖОНС

ПРОКЛЯТИЕ
ОЗЕРНОЙ
ВЕДЬМЫ

FAN|ZON

МОСКВА

УДК 821.111-312.9(73)

ББК 84(7Coe)-44

Д42

Stephen Graham Jones

THE ANGEL OF THE LAKE

Copyright © 2024 by Stephen Graham Jones

Перевод с английского *Г. Крылова*

Дизайн *Е. Куликовой*

Книга не пропагандирует употребление алкоголя, наркотиков или любых других запрещенных веществ. По закону РФ приобретение, хранение, перевозка, изготовление, переработка наркотических средств, а также культивирование психотропных растений является уголовным преступлением, кроме того, наркотики опасны для вашего здоровья.

Джонс, Стивен Грэм.

Д42 Проклятие Озерной Ведьмы / Стивен Грэм Джонс ; [перевод с английского Г. Крылова]. — Москва : Эксмо, 2025. — 640 с.

ISBN 978-5-04-211299-7

Прошло четыре года с тех пор, как Джейд Дэниелс в последний раз ступала на землю Пруфрока, штат Айдахо. С тех пор изменился и город, и ее репутация. Теперь в Пруфроке у Джейд много незавершенных дел — и поклонники серийных убийц, и богачи, пытающиеся выкупить и подделать подлинность Дикого Запада. Но есть кое-что в истории города, чему никто не в силах противостоять. Никто, кроме «последней девушки», которой осталось сделать один шаг, но на этот раз — во имя всего.

УДК 821.111-312.9(73)

ББК 84(7Coe)-44

© Г. Крылов, перевод на русский язык,
2025

© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо»,
2025

ISBN 978-5-04-211299-7

*Ради ребенка по имени Джейсон.
Я бы выплыл ради тебя, старина,
мы все выплыли бы.*

Никогда еще не было такой последней девушки.

КЭРОЛ КЛОВЕР

А ВОТ И БУГИМЕН

Начало «Дикой истории Пруфрока, Айдахо» дает возможность смотреть на происходящее через два глазных отверстия в маске. Смотрящий тяжело и зловеще дышит, отчего атмосфера становится куда более зловещей.

Он прячется в кустах и смотрит сквозь отверстия на десятилетнего паренька. Уже наступила ночь, полночь осталась позади, и паренек сидит на почти неподвижных качелях в парке Основателей. Именно здесь восемь лет назад располагалась подсобная площадка Терра-Новы.

Голова парнишки опущена, поэтому его лица не видно. Возможно, его посадили туда уже мертвым, руки привязаны электрошнуром к оцинкованным цепям качелей, но вдруг слабое дыхание прорывается из его рта, белое и морозное, и он поднимает голову, сначала глаза.

Прежде чем его лицо обретает четкие черты, надпись «Дикая история Пруфрока, Айдахо» исчезает под... навесом?

Так оно и есть. Что-то вроде темной мастерской, похожей на комнату, в которой самое то кричать в преследуемом призраками доме в Айдахо-Фолс.

Маска с отверстиями снята. В кадре всего лишь нервное пространство между двумя досками стены.

Слова с шипением соскальзывают вниз экрана и тут же воспламеняются. Бензопила Мертв Вот Уже Много Лет. Некорректные прописные буквы призваны добавить страху, как записка с требованием о выкупе.

В этом сарае на грязном рабочем столе с цепной пилой работает человек в кожаном фартуке. Этот человек достаточно крупный — у него плечи лайнбекера¹, на предплечьях проступают вены. Руки белые и загорелые, и камера задерживается на них, документируя все, что он делает с бензопилой.

Внутри темно, и хотя угол съемки не самый удобный и неустойчивый, это все только улучшает.

— Это «Слипнот»?² — спрашивает Пол о музыке, грохочущей в сарае.

Хетти шикает на него:

— Он же старик, отдавай в этом себе отчет.

Старик снимает кожу с бензопилы. Или пытается снять. В конечном счете он приходит к выводу, что нужно отпустить тормоз пилы, что он и делает, после чего кожу соскальзывает сам. Немалое удивление

¹ Лайнбекер — полузащитник в американском футболе.

² «Слипнот» — популярная американская метал-группа, образованная в сентябре 1995 года в Айове, США. В переводе с английского означает «удавка».

вызывает то, что кожух с треском падает на пол, достаточно громко, чтобы за ним не слышно было визгливого крика, источник которого гораздо ближе к камере.

Почти достаточно громко, чтобы за ним не было слышно, но не совсем.

Вместо вызывающего ужас лица, наклоненного в кадр вслед сбежавшему кожуху бензопилы, после выключения песни наступает десять секунд тишины. Руки человека все еще на рабочем столе, кончики пальцев на грязном дереве, ладони вытянуты и чуть согнуты таким образом, что возникает впечатление о двух бледных пауках, которые заняты тем, чем обычно бывают заняты пауки, когда пучок их глаз и ножные щетинки информируют их о присутствии кого-то в комнате.

А потом этот грязный кожаный передник падает на эту камеру, и экран заполняет темнота.

Пол насмешливо фыркает, подносит сигарету ко рту, делает глубокую затяжку и держит ее в себе, держит, потом подается к губам Хетти, как ей это нравилось, когда им было по четырнадцать, и выдыхает дым в ее рот.

— Хочешь прикончить меня уже использованной затяжкой? — спрашивает она, довольно покашливая и держа видеокамеру высоко от всего этого и в стороне.

— Только после того, как сделаю *перед* этим что-то иное... — отвечает Пол, поглаживая рукой материю джинсов на ее бедре.

— Ну хоть страшно было? — спрашивает Хетти, контролируя движения его руки и потряхивая камерой, чтобы самодовольный Пол знал, о чем она говорит: *о документалке*.

Она выхватывает сигарету из его рта, чтобы затянуться самой и задержать дымок в себе.

Они сидят в дверном алькове библиотеки на Главной улице, ровно под местом возврата книг. Снаружи лежит мертвый Пруфрок. Кто-то должен его похоронить

— Твоя мать знает, что вы с Йеном тайно сбегаете по вечерам? — спрашивает Пол, зажмуриваясь после выдоха Хетти.

— Ее больше волнует, с кем встречается мой папаша на этой неделе в Аризоне, или Неваде, или бог знает где, — говорит Хетти из глубин своего собственного пузырька с лекарственным сиропом. — А малыш Йенни — хороший актер, разве нет? Я попросила его прикидываться призраком, когда сидит там.

— А что ты сделала со снегом? — спрашивает Пол, глаза у него уже покраснели.

Уже почти половина октября позади. Снег, который всегда ложился на землю к Хеллоуину, еще не выпал, но уже случилось несколько снегопадных потуг, которые пытались выдать себя за что-то настоящее.

— Вырежу при монтаже. — Хетти украдкой поглядывает на Пола — купится ли он на ее ответ, но его мозги все еще пытаются сложить ее слова в *нечто цельное*. Хэтти ударяет его плечом в грудь и говорит: — Мы снимали в июле, идиотина.

— Но его дыхание, — пытается собраться с мыслями Пол, изображая медленным движением пальцев белый пар, выдохнутый Йеном вчера вечером.

— Сигарет я ему не давала, если ты об этом.

— Значит, он и вправду призрак?

— Сахарная пудра.

— У него *во рту*? — спрашивает Пол.

Хетти пожимает плечами, отвечая:

— Ему понравилось.

— Призраки, качели и выпечка, — говорит Пол, поднимая камеру на уровень плеча и нацеливая на Хетти. — Скажите нам, герр директор, почему это маленькие мальчишки-призраки со сладкими белыми губками повадились с наступлением темноты посещать парки?

— Потому что это место идеально подходит для моего выпускного проекта, — говорит Хетти, накрывая объектив ладонью и направляя камеру вниз.

Эту документалку проще было бы снимать на телефон, который при плохом освещении работает гораздо лучше камеры, но она *поддалась ностальгии*. Камера ее отца времен видеомагнитофонов хранилась на чердаке вместе со всем остальным барахлом, которое он оставил, когда смотал удочки, но за эти пустые кассеты Хетти платит сама, чтобы «продемонстрировать свою преданность делу», что это занятие у нее «никакое не временное увлечение».

Что это ее билет из этих краев.

Мир с распростертыми объятиями примет запись из сердца криминальной столицы Америки. Поначалу, с полвека назад, тут был Кровавый Лагерь, потом произошла Бойня в День независимости, она тогда училась в четвертом классе, а потом, уже в средней школе, здесь устроил резню Мрачный Мельник. Сорок убитых в городке с населением три тысячи — даже спустя несколько лет из расчета на душу населения настоящий кошмар.

А такой кошмар сулит немалые деньги.

Если бы ей только удалось заснять сегодня драную белую ночную рубашку Ангела озера Индиан, и волосы из японского ужастика, J-хоррор, как его называ-

ют, и, предположительно, босые ноги, нечеткие и вдалеке, «призрачные и вечные», то... тогда все, верно? Двери в будущее открыты для Хетти Йэнссон, и она идет с ухмылкой Джоан Джетт¹, щурится от тысяч вспышек, втайне мечтая, чтобы вспышки эти никогда не прекращались.

Проблема, однако, состоит в том, что на самом деле Ангел представляет собой шутку-мистификацию, которую прошлым летом придумали тупые качки. Шутка или нет, но Ангел — тот недостающий компонент «Дикой истории Пруфрока, Айдахо», который выведет ее запись в стратосферу фильмов ужасов. У них впереди целая ночь, чтобы привести Ангела в вид, пригодный для видеоискателя, нажать кнопку записи и держать, не отпуская, пятьдесят девять с половиной секунд — именно столько длится знаменитая запись с Бигфутом, верно?

А если Ангел не появится сегодня, то до начала монтажа отснятого материала есть еще две недели ночей. Еще две недели и остаток заначки, спертой Полом из незапертого ярко-оранжевого «Субару» каких-то ночных туристов, приехавших для большой экспедиции с купанием голышом.

«Прости, Колорадо», — повторяет Пол каждый раз, набивая очередную самокрутку табачком из «Субару». На номерных знаках белые горы на зеленом фоне — как раз такую машину нужно вскрыть, если ищешь что-то в красном штате².

¹ Джоан Джетт (р. 1958) — американская рок-певица, гитаристка, продюсер, исполнительница и автор песен, актриса.

² Карта США условно окрашена в два цвета: красным окрашены штаты, голосующие за республиканцев, а синим — штаты, голосующие за демократов.

«Прости, средний выпускной балл», — всегда добавляет Хетти, глядя, как пальцы Пола сворачивают, набивают, уплотняют.

Но не сегодня.

Вскоре она оставит все это позади.

— Что ты использовала для этого... в начале? — спрашивает Пол, поднося к глазам пальцы, превращенные в окуляры.

Хетти решила назвать такой угол зрения маски *слэшеркамерами*.

Она выпускает затяжку медленно и томно, воображая себя кинозвездой тридцатых годов, и достает то, о чем спрашивает Пол, из переднего кармана ее джинсовой куртки, где оно лежало с самого начала семестра.

— *Ни херасе...* — протягивает Пол и подносит к глазам маленький кружок из черного картона, чтобы посмотреть сквозь него. Два отверстия для глаз для игрушечной фигурки героя, а не для взрослого балбеса.

— Секрет фирмы, — говорит Хетти, пожимая плечами и засовывая картонный кружок в объектив, чтобы Пол мог сам поглазеть в отверстие и увидеть это волшебство.

Левую руку он вытягивает перед собой, а правой подносит камеру к лицу.

— Внимание, внимание, я — убийца! — говорит он. — Пусть кто-нибудь сделает что-то этакое сексуальное, чтобы я мог тебя зарезать!

Чуть поодаль на Главной улице загорается одинокий огонек, держится несколько подрагивающих секунд, а потом умирает.

«И это тоже», — говорит себе Хетти.

Она собирается задокументировать все это, обнажить Пруфрок, рассказать миру о том месте, в котором выросла. Нет, в том месте, в котором *выжила*.

— Нажми «запись», — говорит она, подтаскивая Пола поближе к себе.

Потом, видя, что он не может сообразить, о чем идет речь — «Это все твои обкуренные мозги», — Хетти делает это за него.

Теперь на маленьком экране «Дикая история Пруфрока, Айдахо» двигается по кладбищу, как выпущенный на свободу воздушный шарик, из которого почти выдохся весь гелий, а потому плывущий всего в двух футах над землей.

— Нет, Хет, не надо... — говорит Пол, отталкивая камеру.

Хетти пододвигается к нему, но камеру не отключает.

Она догадывалась, что эта часть будет для него трудной. Мисти Кристи, чье надгробие в этой сцене возвышается над другими, была его тетей. Ее дочери, кузины Пола, маленькие сестренки (хотя родных у него не было), и есть та причина, по которой он никогда не покинет Пруфрок, Хетти это точно знает. Тогда всю неделю перед Четвертым числом Пол гонял своих маленьких сестренок всеми акульими реквизитами, какие у него были, — он был фанатом, жил ради «Челюстей», может быть, пересматривал это кино в то лето до раза в неделю и выучил фильм наизусть, все время повторяя оттуда реплики.

В ту ночь он был одним из десятилетних паренков, у которого к спине был прикреплен плавник, над затылком торчала дыхательная трубка, на лице, по